

S. G. Karpyuk

The author traces the development of «fashion» for luxury in 5th century BC Athens. During the first half of the 5th century BC aristocratic fashion for Persian luxury grows ever more popular with the demos, as Aritophanes' comedies witness. At the same time luxury loses its prestige in the eyes of the Athenian aristocrats, who prefer to adopt Laconic simplicity. Admiration of Spartan egalitarian values among 5th century BC Athenian aristocrats was thus a reaction to the growth of welfare of the Athenian citizens, who were now able to afford objects of luxury.

© 2012 г.

А. В. Муравьев, А. А. Немировский

ОТ НИНЕВИИ ДО СУЗИАНЫ. ЗАМЕТКИ ПО ТОПОГРАФИИ МЕСОПОТАМИИ В СИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В работе предлагается интерпретация двух топонимов, присутствующих в сирийской христианской традиции VII в.н.э.— эпитета «Ниневийский» и оронима Матут.

Ключевые слова: историческая география, Исхак Ниневийский, Ниневия, Матут.

Топография и топонимика Месопотамии и Сирии сравнительно хорошо изучены для ассирийского и персидско-эллинистического времени. Известны основные города, даже деревни, они сопоставлены с курганами-«телями», примерно представляем мы и карту дорог. Однако эпоха поздней древности, особенно время заката сасанидского владычества на Ближнем Востоке, известна в этом отношении гораздо хуже. Еще менее ясны бывают географические сообщения источников начиная от арабской эпохи и до появления первых детальных карт региона (XIX в.). Арабские картографы и путешественники внесли в топографию Месопотамии немало дополнительной путаницы. Иранские названия, заменившие привычные эллинистические, постепенно заменяются арабскими, а затем отчасти и тюркскими, что отразилось в поздних источниках и создало для современных исследователей топографии Месопотамии множество затруднений.

Настоящая работа посвящена топонимам Ниневия и Матут в биографической традиции об известном сирийском мистическом писателе мар Исхаке Ниневийском, известном византийцам и славянам как «Исаак Сирин» (Ἰσαὰκ ὁ Σύρος). В литературе о нем нередко возникает вопрос, что в действительности обозначает его когномен «Ниневийский» (Ninwāyā). Все наличные источники сообщают, что Исхак был родом из Катара (Бет- Катрае), но католикос Геваргис I в 676 г. н.э. увез его из региона Залива на Север, вероятно, с целью сделать своим преемником на троне католикосов Церкви Востока. Там Исхак стал «епископом Ниневийским».

В других церковных источниках этого времени также упоминается Ниневия и ее епископы Моше, Ишоднах и др¹.

Чему соответствует название «Ниневия», «ниневийский» для VII в. н.э.? В середине столетия старинный город, куда католикос привез молодого катарца, находился в упадке, хотя история поселений с названием Ниневия насчитывала несколько тысячелетий. Все формы этого названия происходят, как известно, от исходного хурритского *Ni-nu-a-a* (EA 24 iii 98; старовав. *Ni-nu-wa-a*, ассир. *Ni-nu-a*, араб. и сир. *Ninwa*, греч. *Nívos*, тоже *Nivevḗ* или *Niveúi*, араб. *Nainawa*²). Греческая форма происходит от евр. или араб. נִינְוָה (Иона 1:2), где *шва* находится на том же месте, что греческое ε. Что оставалось во времена Исаака на месте некогда могущественной столицы Синаххериба и можно ли считать город Ниневию реально существовавшей административной единицей позднеиранской или раннеарабской эпохи?

Ниневийский Старый город расположен в восточной части бассейна Тигра на месте слияния реки с притоком, р. Хоср, восточнее современного Мосула. В VII в. до н.э. город находился на излучине речки, там, где теперь холм Куянджик, городская окраина простиралась до современной деревни Наби-Юнус. Основание поселения на самом холме относится археологами к преисторическим временам. К концу III тыс. город был независимым хурритским центром культа хурритской богини Шавушки (впоследствии отождествленной с Иштар и давшей в этом отождествлении локальную ипостась последней – Иштар Ниневийскую). При Ашшур-убаллите I (XIV в. до н.э.) город был аннексирован Ассирией, столицей которой стал при Синнаххерибе. Именно тогда в городе были возведены мощные стены с восемнадцатью воротами, была построена система каналов, сады, дворцы и храмы. При разгроме Ассирии мидо-вавилонской коалицией Ниневия была разрушена до основания.

Характерно, что библейские тексты упоминают Ниневию несколько раз, и обычно именно в связи с мотивом полной гибели города. Особенное значение Ниневия получает в Книге Ионы, по сюжету которой пророк прибывает в Ниневию, сорок дней прожив во «чреве китовом». Бог обращается к пророку с призывом идти נִינְוָה (Ион 1:2) «в Ниневию». После морских приключений пророк приходит в Ниневию, о которой говорится, что она עִיר־גְּדוֹלָה לְאֵל ה' ים מִמֶּלֶךְ שְׁלֹשֶׁת יָמִים (Ион 3:3), «был город великий у Бога, на три дня ходьбы». Пророчество Ионы о катастрофе само по себе характерно и даже эмблематично для реального финала истории города: וְד אַרְבָּע יָמִים נִינְוָה נִהְפָּצָה (Ион 3:4), «еще сорок дней и Ниневия будет разрушена». Эта Ниневия из Книги Ионы довольно абстрактна, как отмечают исследователи, автор библейской книги не сообщает ни имени царя, ни имен богов, почитавшихся в городе. Тема разрушения Ниневии (612 г.) ярко освещается в Библии также в книге пророка Наума: שָׁדָדָה נִינְוָה מִיָּגוֹד לָהּ מֵאֵן אֶבְקָשׁ מִנֶּחֱמִים לָךְ «разорена Ниневия! Кто пожалеет о ней? где найду я утешителей для тебя?» (Наум 3:7 и др.). Можно сказать, обобщая, что для пророческих книг Библии Ниневия – образ нечестивого города, обрекаемого на уничтожение и забвение и полностью разрушенного, но никаких описаний города и тем более его местонахождения там не приводится.

¹ Le Quien 1958, 233.

² Reade 1998, 389.

История поселения или поселений, возникавших на запустевших руинах Ниневии в персидско-эллинистическое время, известна гораздо хуже. На рубеже V–IV вв. Ктесий (цитируемый у Диодора Сицилийского, II. 27 сл.) сообщал, что город был разрушен, а жители его рассеялись. Ксенофонт, видевший его развалины сам в тот же период, сообщает в «Анабасисе» (III. 4. 10–12), что на этом месте находились лишь заброшенные остатки строений, а само место называлось Μῆσπρῖλα, видимо, от арамейского mīšpṛlā, «заброшенное», т.е. урочище; местные информаторы, к которым в конечном счете восходит соответствующий рассказ Ксенофонта, осознавали, что некогда это был центр великой, но сокрушенной кем-то державы, но уже не помнили, какой именно, и ошибочно считали, что это была мидийская крепость, уничтоженная персами при завоевании ими Мидийского государства. Как следует из сообщений Ктесия и Ксенофонта, известные археологически следы восстановления некоторых зданий и присутствия людей на холме Куянджик после падения Ниневии (возможно, частично датирующиеся уже VI в. до н.э.)³ во всяком случае не могут говорить о восстановлении какого-то постоянного городского поселения на этом месте вплоть до начала IV в. Затем, однако (скорее всего, в ранне-эллинистическое время), такое поселение под прежним именем «Ниневия» здесь все же возникло и стало одним из центров области Атурия (греч. из арамейск. слова, означающего просто «Ассирия»). Страбон упоминает его под обычным греческим названием Ниневии «Нин» как актуальный центр своего времени (XI. 14. 15; XVI. 1. 1) и считает, что это бывшая столица Ассирийского царства, разрушенная при его падении, но через какое-то время отстроенная (ср. II. 1. 31 и XVI. 1. 2–3). Двумя веками позже Флавий Филострат сообщает о Ниневии и грекоязычной части ее населения (V. Ар. 1. 19), видимо, осевшей в городе в селевкидское время.

К парфянской эпохе в городе жило уже смешанное греко-парфянское население, говорившее в основном на арамейском языке. От него не дошло ничего, кроме нескольких греческих надписей, монет и других незначительных находок на Куянджике⁴. Аммиан Марцеллин, попавший в город в 359 г., упоминает его неоднократно и описывает как «огромный» (18. 7. 1), называя его старым именем, хотя к ассирийской Ниневии это поселение имело уже мало отношения. Эпоха римско-персидских войн IV–V вв. увидела закат городского поселения в Ниневии, входившего в сасанидский округ Бет-Нухадра, включавшийся в границы провинции Адиабена (Хедайаб).

В 627 г. войска римского императора Ираклия разбили близ Ниневии войско сасанидского шаханшаха Хосрова II, в связи с чем Феофан Исповедник упоминает город в туманных выражениях⁵. Но в 641 г. войско арабского полководца ‘Утбы ибн Фаркада захватило Ниневию и всю округу. Примерно к 650 г. арабское владычество установилось в нем уже прочно, но администрация продолжала оставаться по большей части местной. Но самое главное – название «Ниневия» относилось теперь не к старому городу (который был заброшен и превратился в тель), а к западному посаду, который в персидское время называли Нав-Ардашир, что видно, например, из истории знаменитого Сухайба бен Синана⁶. На месте деревни Наби-

³ Reade 1998, 428.

⁴ Reade 1998, 428 f.

⁵ Theoph. 317.32–323.22, 324.16–325.10.

⁶ См. al-Balādhurī 1959, 180 ff.; Ibn Sa’d 1904–1940, 161 ff.; Ibn Qutayba 1981, 264 f.; al-Isfahānī 1938, I, 151 ff. См. также Goldziher 1967, I, 128, n. 7.

Юнус (это арабское название означает просто «пророк Иона» и отсылает к истории последнего, в библейской и мусульманской традиции связанной с Ниневией) в VIII – начале IX в. возникнет центр мусульманского паломничества к легендарному месту проповеди Ионы ниневитянам. Со временем город пришел в упадок, и даже строительство большой мечети Масжидат-Тауба не спасло эту «Ниневию» от окончательного запустения. В тюркское и монгольское время местное население уже уверенно считало, что холм Куянджик – место погребения кита, во чреве которого сорок дней молился пророк Иона (!)⁷.

Христианское население фиксируется в Ниневии со II в. н.э., вокруг города возникает множество скитов, впоследствии монастырей, но только в VI столетии в городе был построен большой собор Церкви Востока. В рамках пропагандистской кампании против монофизитов, которую возглавил непримиримый Бар Саума, и началось регулярное поставление епископов, отличных от митрополитов Бет-Нухадра (первый епископ Ниневийский Мар Ава известен под 585 г.). В западном предместье, Нав-Ардашире, христианское присутствие фиксируется весьма рано, а ок. 570 г. Раббан Ишояв бар Кусра построил в Нав-Ардашире монастырь Мар-Ишайя (ܡܪܝܝܬܝܐ), который в сирийских источниках часто называют ܡܬܝܬܝܐ, «крепость на том [берегу]»⁸. На территории Наби-Юнус находился и монастырь Мар-Йонан (араб. Дер-Юнус), где в 701 г. был погребен католикос Хнанишо⁹. Антихалкидонитское («монофизитское») население города селилось исторически именно в Нав-Ардашире, так что этот поселок стал центром монофизитства в Бет-Нухадра. В 637 г. арабские войска захватывают провинцию, и предместье становится важным арабским форпостом под именем Мосул (собственно الموصل, *maussil*, «слияние рек» [т.е. Тигра и Хосра]).

Что же касается Церкви Востока, то после арабского завоевания центр управления Ниневийской епархией сосредоточивается в монастыре Бет 'Авэ («лесном»), расположенном к северо-западу от города. Епископы Ниневии, номинально жившие в Мар-Эшайя, в церковном плане подчинялись митрополиту Арбелы (Эрбиля). Тем временем на Горе Тысяч (Тур-Алфиф), называемой ныне Джебель Маклуб (примерно в 20 км к северу от Ниневии), возникает и постепенно расцветает мощный очаг монофизитского монашества, известный впоследствии как монастырь Мар-Маттай⁹. История иночества в Северной Месопотамии – в частности, в регионах Бет-Забдай, Бет-Арбайе, Бет-Нухадра и к северу от современного Мосула – довольно хорошо изучена благодаря трудам переводчиков и ученых в конце XIX – начале XX в.¹⁰ Было издано несколько исследований об отдельных представителях иноческого движения в Северной Месопотамии¹¹. Впоследствии увидели свет переводы трактатов духовного характера, равно как и более обширные работы, в том числе труд Ж. Физ о географии монашеских поселений, А. Выбуса об истоках аскетики, работы А. Гийомона¹². Монастырь на знаменитой горе

⁷ Reade 1998, 381.

⁸ См. Robinson 2000, 67–72.

⁹ В этот монастырь монофизитская традиция позднее поместила мар Исхака.

¹⁰ Это тексты, посвященные монашеской жизни, которые были опубликованы П. Беджаном, У. Баджем, Ж.-Б. Шабо и А. Минганой: Bedjan 1901; Budge 1893; 1902; Le livre 1896; Mingana, 1934.

¹¹ Peeters 1920, 285–373; Fiey 1962, 52–81.

¹² Fiey 1965, I–II; 1968; Vööbus 1958–1988, I–III; Brock 1973, 1–19; Guillaumont 1979; 1990.

Изла, традиция которого оказалась фундаментом для всего восточносирийского иночества, выполнил роль матрицы в этом процессе. Знаток средневековой Мео-потамии М. Фиэ посвятил географии Бет-Нухадра и Адиабены большую часть своего труда, но в вопросе о Ниневии его рассуждения принимают несколько неясный смысл: считал ли он Ниневию реальным городом? Что же означают слова «Ниневия» (ܢܝܢܘܝܐ) и «Ниневийский» (ܢܝܢܘܝܐܝܐ) в христианских текстах сирийской традиции?

Для греков классической эпохи Ниневия-«Нин» была изначальной и единственной столицей Ассирийской державы, павшей вместе с ней и связанной прежде всего с греческим историко-этиологическим мифом об этой державе и ее основателе Нине (позднее о Нине и Семирамиде)¹³. Писатели эллинистической и римской эпох связывали это название с Ниневией своего времени (которую считали просто отстроенной после периода разрушения и запустения ассирийской Ниневией), а позже – и с библейскими историями про пророка Иону. Сирийцы же раннехристианской эпохи и далее употребляли это название исключительно в составе титулярного обозначения кафедры епископов. Эта кафедра имела большое миссионерское значение ввиду острой конфессиональной борьбы, начавшейся в VI в. и продолжавшейся на протяжении всего сирийского средневековья. Термином «Ниневийский» обозначали кафедру епископов, проживавших в монастырях Бет 'Авэ (Церковь Востока) и Мар-Маттай (монофизиты). С реальным городом Ниневией эллинистическо-парфянского времени этот термин был связан уже слабо, а сам топоним «Ниневия» из-за упадка обсуждаемого города и «перетекания» его жизни в его западное предместье в VI в. обозначал уже последнее, т.е. Нав-Ардашир, а после арабского завоевания относился к Мосулу. К концу VIII в. и термин «ниневиийский» у сирийцев полностью вышел из употребления. Тем не менее, когда в XII в. анонимный сиро-арабский автор писал о мар Исхаке, то ничтоже сумняшеся утверждал, что тот жил в монастыре Мар-Маттай и именно там был избран «на престол Ниневийский»:

¹³ Согласно этому мифу (ср. особ. *Herod.* I. 7. 95 f., 102 f.; II. 150; *Diod.* II. 3–19; *Strabo.* II. 1. 31; XVI. 1. 2; см. подробно: Дандамаева 1995; 1997; Немировский 2001, 246–251), основатель ассирийского великодержавия Нин правил в названном по нему городе Нине (= Ниневии) примерно в XIII в. до н.э., как окажется при пересчете греческих хронографических указаний в нашу систему летосчисления (у Геродота Нин правил за 520 лет до Дейока Мидийского [последний в реальной истории жил во второй половине VIII в. до н.э.], согласно Бероссу, получится, что он правил примерно за пять с половиной веков до воцарения “Фула” [Тиглатпаласара III] в Вавилонии [729 г. до н.э.], согласно Порфирию, античные авторы пишут, что его время либо предшествует Троянской войне, либо синхронно ей [*Euseb.* Praep. ev. 19. 20–21]). На более поздней стадии развития мифа к этому Нину оказалась «подтянута» Семирамида, которую Геродот еще датирует временем много позже Нина (а именно за пять поколений до матери «Лабинета»-Набонида, побежденного Киром, *Herod.* I. 184 f., 188), но более поздние авторы считают женой Нина (иногда приписывая ей сына, также Нина, или Ниния). По-видимому, в этом мифе собственно греческая эпонимно-этиологическая схема, которая конструировала образ и имя основателя Ассирийской державы, отталкиваясь от названия Ниневии (т.е. города, служившего столицей этой державы именно в тот последний век ее существования, когда греки относительно близко с ней контактировали), слилась с какими-то глухими отголосками сведений о действительном основателе ассирийского великодержавия – Ададнерари I (действительно правившем в XIII в. до н.э.) и его тезке Ададнерари III, сыне реальной Семирамиды (Немировский 2001, 249 слл.).

كان مولده في بلاد الشرق من
جنس السريان . وكان له اخ
جسداني . وكان قد ترهبه
واياه في دير القديس مارمئي
المجمع الكبير . ولكثرة علمهم
ونجاحهم في الرهبنة
اختير اخوه لرياسة الدير
وتدبير الرهبان . واما القديس
مار إسحق من بعد انكم
لقوانين المجمع انفراد في
قلاية بعيدة عن الدير اميال
ولزم الصمت والوحدة
والانقطاع من آل احد
بلاكلية . وآان اخيه آل وقت
يراسله ان يحضر اليه الى
المجمع فما آلان يجيبه الى
ذلك . ومن بعد ما اشتهر علمه
وقد استه اختير لاسقفية
العظمى نينوا

Было рождение его в
восточной области из рода
сирийского. И был у него
младший брат. Стали под-
визаться он и брат его в свя-
той обители Мар-Маттай,
большом общежитии. Они
выделились своей мудро-
стью и постническим усер-
дием, брат его был сделан
настоятелем монастыря и
руководителем иноков. Сам
же святой мар Исхак после
того, как навык обычаям
общежития, удалился
в келью, расположенную
вдали от монастыря, и там
всего себя предал безгла-
сию и уединению, ни еди-
ного человека не встречая.
Брат же его усердно писал
ему в письмах, чтобы он
вернулся в общежитие,
но он пребыл твердым в
этом. И вот, когда слава о
его мудрости и святости
распространилась, он был
избран на **престол Нине-
вийский**.

Как видно, у сирийских авторов термин «Ниневийский» оказался достаточно оторван от конкретного городского центра I тыс. н.э., к которому прилагался топоним Ниневия, и значим прежде всего по своим коннотациям с бывшей ассирийской Ниневией как столицей великой всеазиатской царственности и местом проповеди Ионы. Места пребывания носителей этого эпитета находились не в городе, именовавшемся «Ниневия», а близ этого города, т.е. близ местоположения Ниневии ассирийских царей и пророка Ионы. То, что иерархи противоборствующих конфессиональных толков одинаково присваивали себе этот эпитет, лишний раз свидетельствует об этой его ценности. Тем не менее вскоре после того, как термин «Ниневия» окончательно перестал употребляться как топоним, отмер (иначе как в исторических композициях) и этот эпитет.

С традицией о мар Исхаке Ниневийском связан еще один не вполне ясный топоним – Матут. Как сообщают источники, в какой-то момент мар Исхак покинул Бет-Нухадра и направился в Хузистан. Прожив некоторое время в обители знаменитого Раббана Шапура, он удалился дальше в горы. Как указывает Ишоднах Басрский, Исхак, покинув «престол Ниневийский», поселился на *tūrā Matūt*, т.е. на «горе Матут»¹⁴:

¹⁴ Ishodnah. VII, 2; см. Муравьев 2010.

ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ
 ܡܬܘܬ ܡܬܘܬ

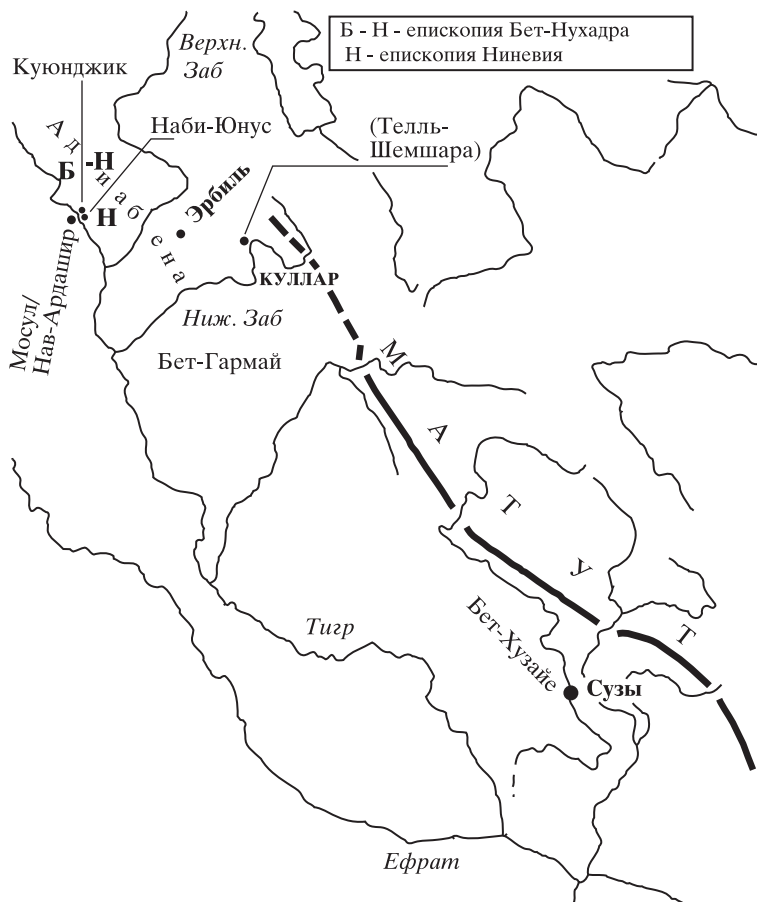
После того, как оставил Исахк престол ниневийский, взошел он на гору Матут, которая окружает область Бет-Хузайе и жил в безмолвии вместе с тамошними отшельниками. Затем он отправился в обитель Раббана Шапура.

Итак, гора Матут, по утверждению автора «Книги целомудрия», «окружает» Бет-Хузайе (Сузиану/Хузистан). Это значит, что «гора Матут» согласно автору, представляла собой не отдельную вершину, а весьма протяженную (на сотни километров) совокупность хребтов, и ороним Матут покрывает здесь, как минимум, весьма значительный сегмент Загроса, включающий его центральную часть в общем направлении к северу от Сузианы. Поскольку Исахк пришел на «гору Матут» из района Ниневии, можно допустить, что искомый сегмент простирался в основном своем объеме на северо-запад от Сузианы. Весьма крупный масштаб горного региона Матут в любом случае явствует из того, что его можно определить как окружающий (хотя бы частично) Сузиану. В таком случае оказывается весьма странным, что этот ороним, несмотря на такой масштаб и крайнюю традиционность и долговечность именовании крупных хребтов, не встречается ни в каких других источниках (античных, персидских, арабских и др.), привлекавшихся в литературе; нет в них и какого-либо схожего оронима. Разумеется, иногда горный массив может быть назван по одной из своих вершин, а надеяться непременно найти название отдельной вершины такого рода в источниках было бы неосторожно. Но ясно, что если подобное именование горного массива по отдельной горе и имело место в случае с Матутом, то оно не было бы индивидуальной топонимической инновацией нашего автора (чего ради он, при его тематике и круге интересов, стал бы вводить ad hoc новый крупномасштабный ороним в повествовании, не имеющем отношения к географии и явно использующем все топонимы «как есть», в привычном для его аудитории значении), а являлось традиционным. В таком случае опять встает вопрос о происхождении этого оронима и опознании его вероятных отражений или корней в других источниках.

Объяснение М. Физ, который нашел у географа Йакута¹⁵ упоминание о городке Маттуṣ (مٹوٹ), расположенном между Сук ал-аху́аз и Курқубом¹⁶, считается единственным. Однако это место находится не в горах, а на равнине, что делает гипотезу Физ о связи этих топонимов едва ли приемлемой. Кроме того, соотнесение названий незначительного городка и крупного горного массива мало убедительно само по себе: судя по материалам топонимики Ближнего Востока в целом, и горные хребты не называются здесь по населенным пунктам, и населенные пункты не повторяют названия хребтов.

¹⁵ Barbier de Meynard 1861–1970, 516; см. издание текста: Yaqut al-Hamawi 1866.

¹⁶ Fiey 1969, 247, n. 131.

Карта. Район Ниневии и Матут в I тысячелетии до н.э.

Представляется возможным, однако, предложить другое объяснение. Повторим, что под «Матутом», коль скоро он «окружает Сузиану», автор должен подразумевать либо весь горный хребет Загрос, либо скорее его центральную часть (в основном ориентированную, возможно, на северо-запад от Суз).

Центральная часть Загроса (правда, не в таком большом объеме – только от Базиана до Сулеймании, но, возможно, и весь североцентральный сегмент) именовалась у ассирийцев «Куллар», а позднее Колара¹⁷. В то же время тот же самый район горы (горного массива) Куллар в собственном смысле слова именовался в Месопотамии во II тыс. до н.э. *Mat Utem* («страна привратника», т.е. преддверие основного хребта Загроса, область перед перевалами через него). Это название прилагалось к региону Телль-Шемшары, т.е. к области при верховьях Нижнего Заба¹⁸. Учитывая флуктуации границ применения топонимов, прилегающих к частям горного региона (эти границы могут и сужаться до малых районов, и расширяться на более крупные сегменты массивов и хребтов), не было бы ничего неожиданного, если бы этот топоним позднее получал и более широкие значения.

¹⁷ Röllig 1980–1983, 306; ср. История 2002, 226 сл., прим. 12.

¹⁸ Eidem, Læssøe 2001, 21; Pongratz-Leisten 2002, 219.

Между тем топоним Mat Utem в I тыс., к концу истории Ассирии, в реальном новоассирийском произношении звучал бы именно Matut.

Учитывая восприятие новоассирийцами Куллара как главного горного массива Загроса и географическое соотнесение собственно Куллара и Мат-Утем, представляется вполне вероятным возведение арамейского термина ܡܘܬܐ в смысле «значительная часть Загроса» к указанному новоассирийскому *Мат-ут < Мат-Утем¹⁹ (см. карту). Отметим, что в таком удержании арамейской традицией I тыс. н.э. оронима, восходящего к месопотамской древности, также не было бы ничего удивительного²⁰.

Таким образом, можно считать, что мар Исхак направился в богатые пещерами предгорья Загроса, где и пребывал до последних месяцев жизни, когда суровые природные условия вынудили старца вернуться в монастырь Раббана Шапура, где он был похоронен ок. 700 г. в правление митрополита Нарсая Хузистанского при католикосе Хнанишо' I.

Комплекс документов, отражающих жизненные обстоятельства бывшего епископа, а затем инока Исхака, дают возможность сделать уточнения в истории топонимики как Северной Месопотамии, так и Загроса в позднесасанидскую и раннеарабскую эпоху. Одно название оказывается эхом из прошлого, использованным в конфессиональной борьбе как символ, а другое, по-видимому, – древним месопотамским названием части региона Загроса, всплывшим в арамейских христианских текстах.

Литература

- Дандамаева М.М. 1995: Легенда о трех ассирийских владыках (Ранняя греческая традиция о Нине, Семирамиде и Сарданапале) // ВДИ. 4, 14–34.
- Дандамаева М.М. 1997: Ассирия и Вавилония в мифологии греков // ВДИ. 3, 11–23.
- Дьяконов И.М. 1961: Эпос о Гильгамеше. М.–Л.
- История 2002: История древнего Востока. Тексты и документы. М.
- Муравьев А.В. 2010: Ишоднах Басрский как источник биографических сведений о мар Исхак Ниневииском // Дар и Крест. Сборник памяти Н.Л. Трауберг. М., 213–240.
- Немировский А.А. 2001: У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М.
- Annus A. 2006: The Survivals of the Ancient Syrian and Mesopotamian Intellectual Traditions in the Writings of Ephrem Syrus // Ugarit-Forschungen. 38, 1–25.
- al-Balādhurī 1959: Ansab al-ašraf. Cairo.

¹⁹ Отметим также, что Мат-Утем II тысячелетия лежит при Загросе именно к юго-востоку от района Ниневии, в направлении от Ниневии к Сузиане, а мар Исхак поселился в прилежащем к Сузиане горном регионе Матут, именно уйдя из Ниневии. Конечно, между собственно Мат-Утем II тысячелетия при верховьях Нижнего Заба и границами самой Сузианы расстояние остается немалое, но горный массив Матут достаточно крупномасштабен, чтобы тянуться к северо-западу от Сузианы на неопределенное расстояние, а месопотамский ороним, производный от термина «Мат-Утем», также мог покрывать более широкие области, чем этот термин значил исходно.

²⁰ Ср. хрестоматийный пример удержания в сирийской традиции ок. IX в. н.э. (у Феодора бар Коная) имени Гильгамеша (Дьяконов 1961, 92, прим. 1) или попадание в труд Табари (также разве что из арамейской традиции) имени некоего древнейшего, помещаемого во времена Авраама сирийского правителя Азара, соотносимого с известной вероятностью с Азиру, южносирийским царем XIV в. до н.э. (Chandler 1994, 86; ср. Немировский 2001, 177, прим. 6). О преемственности сирийской традиции по отношению к месопотамской в другой области ср. Annus 2006.

- Barbier de Meynard C.* 1861–1970: Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes: extrait du Mo 'djem al-Buldan de Yaqt. P.
- Bedjan P.* 1901: Liber superiorum, seu historia monastica. Lpz.–P.
- Brock S.P.* 1973: Early Syrian Asceticism // *Numen*. 20, 1–19.
- Budge E.A.W.* 1893: The Book of Governors. The Historia Monastica of Thomas Bishop of Marga A.D. 840. I–II. L.
- Budge E.A.W.* 1902: The History of Rabban Hormizd the Persian and Rabban Bar-'Idta (Luzac's Semitic Text and Translation Series IX–XI). L.
- Chandler T.* 1994: Dating Abraham // *Bibbia e Oriente*. 36, 86.
- Eidem J., Læssøe J.* 2001: The Shemshāra Archives I: the Letters. Copenhagen.
- Fiey J.-M.* 1962: Aonès, Awun et Awgin (Eugène). Aux origines du monachisme mésopotamien // *Analecta Bollandiana*. 80, 52–81.
- Fiey J.-M.* 1965: Assyrie chrétienne: contribution l'étude de l'histoire et de la géographie ecclésiastiques et monastiques du nord de l'Iraq. Recherches de l'Institut des Lettres Orientales de Beyrouth XXII–XXIII. Beyrouth.
- Fiey J.-M.* 1968: Assyrie chrétienne. I–II. Recherches 22–23. Beyrouth.
- Fiey J.-M.* 1969: L'Elam, la première des métropoles ecclésiastiques syriennes-orientales // *Melito*. 5, 221–267.
- Goldziher I.* 1967: Muslim Studies / C.R. Barber and S.M. Stern (Transl.). Vol. I. L.
- Guillaumont A.* 1979: Aux origines du monachisme chrétien. Spiritualité orientale 30. Abbaye de Bellefontaine.
- Guillaumont A.* 1990: Syriaque (Spiritualité) // *Dictionnaire de Spiritualité* 14. P., col. 1429–1442.
- Le livre 1896: Le livre de la Chasteté. Mélanges d'Archéologie et d'Histoire. 16 / J.-B. Chabot (ed.). P.
- Le Quien M.* 1958: Oriens christianus. Vol. 3. P.
- Ibn Qutayba.* 1981: Al-Ma'ārif. Cairo.
- Ibn Sa'd.* 1904–1940: Kitāb al-Ṭabaqāt al-Kabir / E. Sachau et al. (eds.). Leiden.
- al-Isfahānī Abū Nu'aym.* 1938: Ḥilyat al-awliyā. Cairo.
- Ishodnah* = Le livre 1896.
- Mingana A.* 1934: Woodbrooke Studies. Vol. 7. Cambr.
- Peeters P.* 1920: La légende de S. Jacques de Nisibe // *Analecta Bollandiana*. 38, 285–373.
- Pongratz-Leisten B.* 2002: 'Lying King' and 'False Prophet': the Intercultural Transfer of a Rhetorical Device within Ancient Near Eastern Ideologies // *Ideologies as Intercultural Phenomena. Melammu Symposia 3* / A. Panaino, G. Pettinato (eds.). Milan: University of Bologna, 215–243.
- Reade J.E.* 1998: Ninive (Nineveh) // *RLA*. Bd 9, 388–433.
- Robinson C.F.* 2000: Empire and Elites after the Muslim Conquest. The Transformation of Northern Mesopotamia. Cambr.
- Röllig W.* 1980–1983: Kullar // *RLA*. Bd 6, 306.
- Theoph. 1883: *Theophanes Confessor*. Chronographia. I–II / C. de Boor (ed.). Lpz.
- Vööbus A.* 1958–1988: History of Asceticism in the Syrian Orient. A Contribution to the History of Culture in the Near East. Vol. I–III. Louvain.
- Yaqt al-Hamawi 1866: Yaqt al-Hamawi, Kitab mu'jam al-buldan / F. Wustenfild (ed.). Lpz.

FROM NINEVEH TO SUSUANA. TWO NOTES ON THE MESOPOTAMIAN TOPOGRAPHY IN SYRIAC SOURCES

A. V. Muravyev, A. A. Nemirovsky

The article deals with the toponyms occurring in the Aramaic and Arabic texts of the Late Sassanian and Early Moslem period concerning the biography of the prominent Eastern Syrian mystical writer Isaac of Nineveh. Two particular cases are analysed. Firstly, it is reported by Ishodnah and other writers that Isaac left Qatar in the mid-7th century and became bishop «of Nineveh», whence his cognomen Ninwāyā. The history of Nineveh and its mythological reception are traced to the 7th c. BC. Due to the never forgotten glory of Assyrian past, any new centre which ever re-emerged at Kuyunjik or Nabi-Yunus hills (which had been parts of Assyrian Nineveh) and even the pre-Mosul settlement on the opposite bank of the Tigris (once called Nav-Ardashir) received the name of «Nineveh» and were thought to be the same Assyrian Nineveh. It was this

western pre-Mosul settlement that is really implied by «Nineveh» of Isaac. The population lived on the western bank of the Tigris in Nav-Ardashir, while the historical city of Nineveh had been abandoned. Bishops of Nineveh resided in the monastery of Beth 'Abē (in the Forests). It can be concluded that the term *Ninwāyā* in the episcopal title of the Church of the East was a mere convention. Secondly, the toponym Matut is brought under analysis. After leaving Beth Nuhadra Isaac moved northwards to Susiana (Beth Huzaye), where he spent some time in the monastery of Rabban Shapuhr before moving to the mountain cave where he spent the rest of his hermitic life. The name of the mountain in Aramaic sounds Matut and it is reported that Matut encircled Susiane which makes «Matut Mt.» to be a rather vast segment of Zagros. It is impossible to explain the horonym quite reliably, but it can be hypothetically interpreted as a late form of Ancient Mesopotamian GN Mat-Utem (a part of Zagros region at upper Lesser Zab was called that as early as the 2nd mill. BC), used in extended sense.

© 2012 г.

А. О. Захаров

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТОПОНИМЕ «ЯВА» В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НАШЕЙ ЭРЫ*

Статья посвящена выявлению употребления топонима «Ява» в источниках I тыс. н.э. и анализу концепции Варуно Махди (Германия) о локализации и истории царства Явадвипа. Автор высказывает предположение, что топоним «Ява» относился первоначально к нескольким островам: Калимантану, Суматре и собственно Яве.

Ключевые слова: Ява, Малайский (Индонезийский) архипелаг, Суматра, Калимантан, историческая география.

Значение и первоначальная локализация названия одного из важнейших островов Малайского (Индонезийского) архипелага – Явы – остаются предметом дискуссий¹. Исследователи предлагали локализовать топоним *yava/java* на Яве, Суматре, Калимантане или одновременно на нескольких островах². Однако господствует его локализация на Яве³. Недавно филолог-малаист В. Махди

Захаров Антон Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, зам. главного редактора журнала «Восток (Oriens)».

* Благодарю М.Д. Бухарина, А.А. Вигасина, С.В. Кулланду, А.К. Оглоблина и М.Ю. Ульянова за критические замечания к рукописи, способствовавшие ее улучшению. Также признателен В. Махди за присланный оттиск его работы (Mahdi 2008) и Р. Криббу за предоставленные карты Индонезии и Малайского (Индонезийского) архипелага (Cribb 2010).

¹ Kullanda 2006; Mahdi 2008; Laffan 2009.

² Kern 1916, 315–321; Хенниг 1961[1944], 409; Wang Gungwu 2007 [1958], 74, 77, n. 44; 84; 89, n. 49; Чебоксаров 1966, 60; Gerini 1909, 458; Тюрин 2004, 15.

³ Pelliot 1904, 265–266, 268, 271; Ferrand 1919, 455; Александрова 2008, 15, 12; Miksic 2004, 238.